

A portrait of a man with a long, dark beard and hair, wearing a dark blue or black robe. He is looking directly at the camera with a serious expression. The background is a mottled, earthy tone.

Виктор
Сенча

ГРИГОРИЙ

РАСПУТИН

РОССИЯ ПОД ГИПНОЗОМ

Виктор Сенча

**Григорий Распутин.
Россия под гипнозом**

«Алисторус»

2021

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

Сенча В. Н.

Григорий Распутин. Россия под гипнозом / В. Н. Сенча —
«Алисторус», 2021

ISBN 978-5-00180-342-3

История убийства Григория Распутина – сибирского «старца», мага с гипнотическим взглядом, злого пророка, спасителя (для одних) и врага (для других) России и царя – хорошо известна многим. Но на сей раз читателю предлагается пошагово пройти вместе с героями драмы, произошедшей декабрьской ночью 1916 года в стенах Юсуповского дворца. Одновременно с этим автор показывает общий политический фон, царивший внутри и вокруг Российской империи, а также атмосферу вокруг Романовского трона. Скрупулёзно исследуя каждый факт и каждое событие, автор увязывает их с данными архивных материалов и воспоминаниями очевидцев. В итоге читатель понимает, что и сам с головой окунается в детективное расследование, в конце которого автор самостоятельно выходит на... истинного убийцу Григория Распутина. И в этом несомненное достоинство новой работы известного писателя-историка Виктора Сенчи. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-00180-342-3

© Сенча В. Н., 2021
© Алисторус, 2021

Содержание

Вместо предисловия	7
Глава I	16
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Виктор Николаевич Сенча

Григорий Распутин. Россия под гипнозом

© Сенча В.Н., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

*...Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас... Ибо восстанут
лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса,
чтобы прельстить, если возможно, и избранных.
Мф 24:4,24*

Вместо предисловия

Париж, 2013 г.

...Мы договорились, из Москвы в Париж привезу книгу самого последнего издания воспоминаний его прадеда. Это было несложно – зайти в книжный «Москва» на Тверской и как минимум из четырёх интереснейших сборников, расхватываемых будто горячие пирожки в пасхальный день, выбрать, что называется, по цвету и вкусу. Скорее всего, подумал тогда, во Францию отвезу «Розовый бриллиант»: именно с него когда-то начиналась литературная карьера за рубежом знаменитого писателя-эмигранта.

Но, как иногда бывает, в последние дни перед отъездом закрутился, не сумев выкроить время, а когда явился на Тверскую, оставалось только кусать локти: был, говорят, такой автор, но вот уже месяц как распродали – всего, без остатка. Вот те на! Кинулся на Арбат – та же картина: исчез месяц назад. Будто сговорившись, одинаково твердили в «Библио-Глобусе» и даже в солидных букинистических. «Спасительный», на первый взгляд, вариант тоже закончился провалом. Взяв дома с книжной полки единственный (и любимый!) томик этого писателя, мечтал об одном – чтоб не оказался подарочным. Но и этому не суждено было сбыться: книгу, как выяснилось, к очередному юбилею мне подарила благоверная. А это, согласитесь, свято.

Пришлось смириться, остановив своё внимание на пыляевском «Путеводителе по Москве». Тоже раритет. Но не то. А потому обидно. Ведь если бы дело касалось непосредственно нужного мне автора, уж он-то, вне всякого сомнения, отыскал бы нужную вещь хоть из-под земли! Такой уж был человек...

Странное ощущение: глядя на стоявшего передо мной невысокого плотного мужчину, ловлю себя на мысли, что эти умные глаза, смотревшие сейчас открыто и с интересом, мне уже когда-то приходилось видеть. И если не знать, с кем имеешь дело, можно вспоминать бесконечно; но я знаю – и с кем имею дело, и на чьи похожи эти глаза. Ибо мой собеседник – правнук «русского Шерлока Холмса» *Дмитрий де Кошко*.

Француз во втором поколении, Дмитрий Борисович – профессиональный журналист, выпускник Сорбонны, долгое время работал в агентстве «Франс Пресс»; сейчас – председатель Ассоциации «Франция-Урал». Беседовать с журналистом всегда просто: минут через пять беседы он уже понимает, чего я от него жду и что от него требуется. А потому наш разговор больше напоминает монолог, а не диалог; я стараюсь не перебивать, наслаждаясь правильно поставленной русской речью и этой едва уловимой мягкостью языка, свойственной русским, долго прожившим за границей. Однако, чем дольше говорит мой собеседник, тем больше приходится удивляться: оказывается, мы совсем напрасно называем потомков наших эмигрантов французами, англичанами или американцами, ведь сами они по-прежнему считают себя *русскими*.

– По воспоминаниям моей бабушки, после революции им здорово досталось, – рассказывает Дмитрий де Кошко. – Как, впрочем, и всем русским, отказавшимся жить под большевиками. У Аркадия Францевича было три сына – Дмитрий, Иван и Николай. Старший и средний сыновья, будучи офицерами Первого гвардейского стрелкового полка, воевали на фронтах Первой мировой. Двадцатипятилетний Дмитрий погиб уже в сентябре четырнадцатого. Годом позже Иван, будучи раненым, оказался в плену; долго считался пропавшим без вести. Потом его обменяют на пленного немецкого офицера...

Талантливому сыщику *Аркадия Францевича Кошко (1867–1928)*¹ в своё время заметил министр внутренних дел Пётр Аркадьевич Столыпин и назначил бывшего помощника началь-

¹ Кошко, Аркадий Францевич (1867–1928), – известный русский сыщик и криминалист. Начальник Московской сыскальной полиции, позднее – делопроизводитель 8-го делопроизводства Департамента полиции Российской империи; в эмиграции

ника Петербургского сыскного отделения главой Московского сыска. Московская полиция разгоняла «малины», прикрывала притоны, а её широкомасштабные облавы давали богатый улов. Как бы брезгливо уголовники не кривились при виде полицейских, постепенно их стали бояться и уважать. А чтобы окончательно утвердить своё положение в городе, Кошко ввёл очередное новшество: на лацканах пиджаков работников московского сыска появился особый знак с надписью «МУС» (Московский уголовный сыск).²

К Первой мировой войне об успехах МУСа уже было хорошо известно не только в России, но и за её пределами. В 1913 году международный съезд криминалистов в Швейцарии назвал московскую сыскную полицию самой лучшей по раскрываемости уголовных преступлений в мире! А особая система идентификации личности, разработанная Аркадием Кошко, была взята на вооружение рядом стран, в том числе – Скотланд-Ярдом. Стоит ли удивляться, что вскоре прославленный сыщик возглавил уголовный розыск (в те годы – сыск) всей Российской империи. В 1917 году Аркадий Францевич Кошко получает чин статского советника.

Во время Гражданской войны генерал Кошко с женой Зинаидой Александровной и младшим сыном Николаем волею судьбы окажется в Киеве, а потом – в эмиграции. Его старший брат, Иван Францевич, до революции был вице-губернатором Самарской губернии, после чего занимал пост губернатора Пензенской и Пермской губерний. А потом они оба оседают в Париже...

Rue Guy Moquet, северная часть Парижа. Как объяснил мне Дмитрий де Кошко, улица названа в честь сына депутата-коммуниста, совсем юного парня, расстрелянного в годы войны нацистами. Обычная парижская улица, на которой крепкие старые многоэтажки чередуются с современными новостройками. Но последние меня мало интересуют, если не сказать больше – даже пугают и нервируют. Ведь сколько удивительных исторических мест подмяли под себя их ненасытные фундаменты! Если и в этот раз на месте нужного мне старого дома окажется новострой, то совсем уж будет обидно.

Почти век об этом парижском адресе великого русского сыщика никто не знал. И если бы не подсказка Дмитрия де Кошко, не узнать бы и мне. Итак, улица как улица. Пронесются автомобили, автобусы, скутеры; работают магазины и лавки; туда-сюда снуют прохожие. Я подхожу всё ближе и ближе... Всё как у нас: чётная и нечётная стороны. Мне – нечётную. Опять новострой, ещё один... Но – нет, кажется, пронесло. Rue Guy Moquet, 35. Внизу – какие-то офисы: ассоциация футбольного клуба, прачечная, что-то ещё... Как везде. Впрочем, сейчас совсем не до офисов – меня интересуют этажи. Первый, второй и... Вот он, третий. За окнами на маленьких балкончиках высажены яркие цветы (французы это любят). Именно там, за этими окнами, и были написаны уникальные рассказы сыщика Кошко: «Розовый бриллиант», «Тяжёлая командировка», «Дело Гилевича», «Жертвы Пинкертон», «Дактилоскопия» и десятки других.³

писатель-мемуарист. Статский советник. Закончил Казанское пехотное юнкерское училище. После службы в армии поступил рядовым инспектором в Рижскую полицию, где сделал блестящую карьеру сыщика. Был помощником начальника столичной сыскной полиции, а в 1908 году – назначен начальником Московского сыска. Создатель в органах криминального сыска фотографической картотеки и антропометрического бюро; впервые ввёл в практику новейший метод дактилоскопии. С января 1915 года А. Кошко был назначен делопроизводителем 8-го делопроизводства (сыск) Департамента полиции Российской империи. Когда после революции статский советник Кошко был вынужден эмигрировать, британцы предложили ему возглавить в Скотланд-Ярде исследовательский отдел. Автор блистательных воспоминаний. Скончался в Париже 24 декабря 1928 года; похоронен на кладбище Сент-Уэн.

² Уголовный элемент тут же отреагировал на это новшество, и в дальнейшем за оперативниками надолго закрепилось презрительное «мусора». Лучшие сотрудники сыска поощрялись номерными значками с изображением собаки породы легавая, что послужило основанием для другого прозвища – «легавые».

³ На самом деле нужная мне квартира располагалась на четвёртом этаже. Секрет в том, что отчёт этажей во Франции отличается от нашего: считаются только жилые, а нижний, где, как правило, находятся офисные заведения, лавки и магазины, во внимание не берётся.

В этом доме Аркадий Францевич прожил несколько самых плодотворных в литературном отношении лет. Смерть застанет писателя в XV районе Парижа. Последний покой русский сыщик обретёт не в пригородном Сент-Женевьев-де-Буа, а в Сент-Уэне, городском кладбище в рабочем квартале Парижа.

Там, у кладбищенских ворот, в конце дня у меня и была назначена встреча с Дмитрием Борисовичем де Кошко.

До закрытия погоста оставалось всего ничего, а Дмитрия всё не было. Я начинал нервничать. Попытался самостоятельно разузнать у служителя номер искомой могилы, но чернокожий малый вежливо объяснил: уже поздно, тем более что ответственный за компьютерную базу работник свой рабочий день давно закончил. Пришлось набраться терпения и продолжать ждать.

Дмитрий появился неожиданно. По крайней мере, для меня. На скутере (у нас такие, насколько помню, когда-то назывались мотороллерами). По-деловому скинул шлем, о чём-то переговорил со служителем, и вот мы уже на территории кладбища. В отличие от Пер-Лашеза и кладбищ на Монпарнасе и Монмартре, Сент-Уэн своими надгробиями не претендует на изящество. Наоборот, его отличает некая нарочитая скромность и простота. Никаких помпезных склепов, богатых мраморных надгробий с витиеватыми скульптурами – лишь ряды серых могильных плит. Десятки, сотни, тысячи людских судеб, упрятанных под землю.

А мы идём всё дальше и дальше. Где-то справа появляется высокая ограда, за которой, не обращая внимания на кладбищенский покой, в полном разгаре шумная стройка: забиваются сваи, кричат трактор, гудят машины... Наш путь – именно туда, к каменному забору, за которым беснуется строительное безумие. По-видимому, это одна из самых старых частей кладбища, расположенных на окраине, где, судя по всему, людская нога ступает от случая к случаю.

На одной из каменных плит читаю: «**КОШКО**». Под плитой, как объяснил Дмитрий, покоятся Аркадий Францевич и его супруга, Зинаида Александровна. Склонив голову, я кладу на плиту цветы – белые розы, от одного из благодарных читателей.

– Правильно я понимаю, что братья похоронены в разных местах? – спрашиваю Дмитрия.

– Да, – кивает он. – Уж так вышло...

Потом, помолчав, добавляет:

– Оба в своё время пострадали. Брат Аркадия Францевича, Иван Францевич, будучи в должности губернатора Пермской губернии, проявил себя истинным государственным человеком – он боролся с близорукими интересами тогдашних уральских капиталистов. Они-то его и подставили. Однажды проездом Пермь посетил Григорий Распутин. После этого газетчики распустили, будто сам губернатор Кошко «устроил пышную встречу Распутину и Вырубовой». И Иван Францевич был вынужден послать в газеты опровержение, согласно которому самого губернатора в то время в городе не было, но даже если бы и был, писал губернатор, то ни в коей мере не озабочен бы таким «важным» происшествием. Однако оправдываться уже было поздно...

Распутин... Если кто больше всех знал о тайне его гибели, так это человек, у парижской могилы которого я сейчас стоял – глава сыскной полиции Российской империи Аркадий Францевич Кошко. И в своих «Очерках уголовного мира царской России» именно Кошко дал всем это понять, написав кратко, но вполне доходчиво, что всё производство по громкому делу об убийстве царского фаворита было решено направить на Высочайшее усмотрение... И полицейское ведомство его передало по инстанции. А потом был мятежный Февраль... отречение монарха от престола... революционная смута... разгром полицейских участков... Аркадию Францевичу уже было не до Распутина. Хотя рассказать об этой запутанной истории бывшему главе российского уголовного сыска было что: Кошко знал всё!

– Мне кажется, – вернул меня на землю Дмитрий, – было бы лучше, если бы прах моего предка был перезахоронен на родине. Для нас, молодого поколения, Россия всегда была неким абстрактным понятием. И всё же мы – не французы, мы – русские...

Вновь помолчали.

А за нашими спинами продолжала грохотать бесцеремонная стройка. Что там будет – новый торговый центр, спорткомплекс, очередной жилой новострой, крытый рынок? В любом случае, такое соседство вряд ли надолго. Ведь стройки всегда беспощадны...

Томск, 1982 г.

...Если вам скажут, что в восьмидесятые годы прошедшего века самыми популярными советскими писателями были Шолохов, Радзинский или Шукшин, – не верьте: самым читаемым в тот период, вне всякого сомнения, являлся *Валентин Пикуль*.⁴ С скромный, тихий человек, Валентин Саввич не любил шумных компаний и громких писательских междусобойчиков. А всё потому, что ему *было некогда*: Пикуль почти постоянно работал. Бывший фронтовик (в годы войны служил юнгой Северного флота), он рано заметил за собой одарённость писать, и, будучи большим любителем истории, быстро нашёл свою писательскую нишу – прозу, основанную на исторической документалистике.

Кропотливая работа требовала невероятной энергии, усидчивости, глубокого знания истории и умения разбираться в архивных материалах. Всё это у Пикуля имелось с лихвой – энергия, знания и усидчивость. С годами писатель создал свой личный историко-биографический архив, считавшийся уникальным.

В годы застоя проза Пикуля отличалась достаточной смелостью, но для бывшего фронтовика было обычным делом идти напролом и не сдаваться без боя. Как следствие – нелюбовь и неприкрытая зависть со стороны писательской братии. Смелое творчество Валентина Пикуля – талантливого недоучки, не имевшего специального литературного образования, – многих сильно раздражало. Особенно тех, кто, пряча свою бездарность за корками партийных билетов и неприступными крепостями писательских организаций, ратовал за нравственную чистоту рядов «строителей коммунизма». Было время, когда Пикуля откровенно травили. А он... всё писал и писал. Потому как ввязываться в дразги опять же *было некогда*.

И за этот поистине титанический труд читатель отвечал автору искренней любовью и преданностью. Книги Пикуля были нарасхват! И ладно бы – нарасхват: в режиме дичайшего дефицита эти книги было просто не достать. Постперестроечная молодёжь наверняка удивится, если я озвучу банальную истину: самым недостижимым дефицитом в те годы были не автомобили, мебельные гарнитуры или финский сервелат. *Самым дефицитным дефицитом* были книги Валентина Пикуля! Люди жаждали читать романы и повести любимого автора, а их... нигде нельзя было достать.

Справедливости ради замечу, Пикуль как писатель стал известен не сразу; широкому читателю его открыл литературный журнал «Наш современник», на страницах которого в 1979 году (№№ 4–7) появился урезанный исторический роман «У последней черты» (в книжном варианте «Нечистая сила»). И после этого тираж журнала с Пикулем *исчез*. Журнал буквально сметали: его жадно читали, а потом давали почитать членам семьи, друзьям, знакомым, колле-

⁴ Пикуль, Валентин Саввич (1928–1990), – самый читаемый советский писатель второй половины XX века. Уже при жизни Пикуля общий тираж его книг (исключая зарубежные издания) составил примерно 20 млн. экземпляров! В 1941 году приехал с матерью в Ленинград к бабушке, где и провёл первую блокадную зиму. Весной 1942 года больной цингой и дистрофией, малыш по «Дороге жизни» был эвакуирован в Архангельск. Там, окрепнув, бежал в школу юнг на Соловках (был юнгой первого набора). С 1943 года служил рулевым-сигнальщиком на эскадренном миноносце «Грозный» Северного флота. С 1962 года жил в Риге, где и умер от приступа повторного инфаркта миокарда (16 июля 1990 года). Похоронен на рижском Лесном кладбище.

гам по работе и конечно – «нужным людям». Зачитывали до дыр, превращая в одни обрывки... Так что для простых смертных писатель Валентин Пикуль был просто недостижим.

Простой смертный – это я. Скромный студент медицинского вуза, которому по счастливой случайности роман «У последней черты» удалось прочесть лишь осенью 1982 года (через три года после выхода в «Современнике»). В тот год я уже был слушателем десантного взвода военно-медицинского факультета Томского мединститута. В то время в славном городе Томске из вчерашних обычных студентов, приезжавших из разных мединститут страны (я, к примеру, перевёлся из Ижевска), ковались доблестные кадры военных медиков. Так вот, у одного моего приятеля появилась девчонка-библиотекарша. Она-то, эта веснушчатая недоtroга в роговых очках, с радостью дала нам почитать искомые номера «Современника» (хотя, сказать по правде, об этом журнале мечтал лишь я, а Вовчик (мой дружок) увлекался более доступными вещами).

А потом начался процесс прочтения. Никогда – ни до, ни после, – мне не приходилось что-либо читать с таким упоением! Это было некое читательское остервенение. Каждый номер читали по трое человек: один, который держал журнал, находился в центре, двое – по бокам. Вечером истрёпанные журналы уже ждала следующая тройка; а ночью «Современник» оказывался в распоряжении нашего главного книгочея – семипалатинца Костика, предпочитавшего читать исключительно по ночам. Со стороны всё это походило на какое-то сумасшествие: тройки, приоткрыв рты, читали в перерывах между занятиями; в очереди в буфет и в столовку; само собой – на лекциях; и конечно – во время самоподготовки.

Мы читали о Распутине. Слышал ли кто-нибудь тогда из нас о нём? Слышал. Что-то там у Ленина, писавшем про «разврат царской шайки с чудовищем Распутиным во главе». Этот самый Распутин являлся для нас, вчерашних советских школьников, чем-то вроде Урфина Джюса из известной сказки – ужасного, кровавого и отвратительно-развратного. Впрочем, о последнем качестве Урфина мы могли только фантазировать, хотя воображения явно не хватало.

И вдруг – нате вам на блюдечке с голубой каёмочкой: пикулевский Распутин во всей красе и ярких подробностях! В читаемое не верилось. Голова с трудом вмещала познаваемое. С каждым днём мы вместе с Пикелем и его главным героем всё глубже и глубже погружались в «омут разврата» и «грязного дореволюционного бытия». И понимали: виноват в нашем нравственном падении не писатель, а его чудовищный герой – старец Григорий Распутин. А тот на страницах журнала вытворял чёрт-те что: выпив с утра *тазик* мадеры, мчался чуть ли не с десятком «дам полусвета» в баню. А по пути в эту самую баню прихватывал (сойти с ума!) ещё какую-то нищенку... После бани – ресторан; потом – второй и третий; и вновь всё то же – вино *тазами* и толпы возбуждённых дам... Во время прочтения жадное воображение рисовало картины сумасшедших оргий, о которых, впрочем, мы не имели никакого понятия. Тем не менее само название журнала («Наш современник») подтверждало, что мы занимались, в общем-то, вполне легальным чтением, а не перелистыванием липких страниц омерзительного самиздата. Так что роман нам до безумия нравился, причём не только своими интимными сценами – он был ещё и очень познавателен.

Но, как известно, не бывает удовольствия без наказания, ибо за всё надо платить. Однажды нас застукали. Увлёкшись на одной из лекций чтением, мы, что называется, *подставились*. Лекцию читал вредный полковник, фамилия которого за давностью лет в памяти окончательно стёрлась, хотя осталось другое – его прозвище: Антибиотик. Он-то нас и застукал. И, как следовало ожидать, отобрал наши журналы. Произошедшее явилось для меня подлинной катастрофой! Во-первых, в тот момент мы зачитывались самым интересным – как готовилось покушение на «старца» (в этом Валентин Пикуль явно преуспел). А во-вторых (и это было самым неприятным), мне эти разнесчастные журналы через день нужно было срочно возвра-

щать. Тем более что Вовчик, готовясь к очередному свиданию с очкастой, напирал: где журналы?!

Было ещё и третье: как нашёптывали старшекурсники, Антибиотик нещадно валил на гosas, прослав «лютым зверем» даже для местных блатников с их папами-полковниками и дедами-генералами. Словом, влип.

Тем не менее через пару деньков пришлось переться на антибиотиковскую кафедру в поисках «людоеда». Поняв, по какой причине я к нему явился, тот поначалу решил взять меня на испуг:

– Комсомолец? – буркнул он, зыркнув злыми глазками в мою сторону.

– Так точно!

– Кто бы сомневался. А разве можно такое! читать комсомольцу?! – неожиданно гаркнуло чудовище.

– Конечно, – не моргнув, полез я на амбразуру. (Терять мне было нечего: пусть пристрелит прямо сейчас.) – Это же советский журнал... В составе его редколлегии, посмотрите, известные писатели, одни коммунисты, гордость страны; наверняка лучше нас с вами знают, кого можно печатать, кого – нет...

Антибиотик побагровел. Но тут же попытался сменить гнев на милость.

– Продолжение есть? – спросил он.

– Да, есть.

– Жду...

– Нет, – отрезал я.

Секундная пауза. Антибиотик вновь стал пунцовым, начиная походить на перезревший помидор.

– Не понял, – хрипнул он.

– Журналы нужно вернуть, – сказал я. – Вы же понимаете, они из библиотеки, их следует сдать, сроки поджимают...

– Сам виноват, – хихикнул садюга. – Ладно, отдам. Но с тебя последний номер. Жена, понимаешь ли, читает взахлёб. А я за ночь всё проглотил...

Пришлось пойти навстречу. Но, как оказалось, зря. Антибиотикша учудила, дав «на пару деньков» почитать подруге. Об этом заявил сам полковник. Всё шло к тому, что не видать мне этих самых журналов как своих ушей.

Друг Вовчик озверел. И было от чего: конопатый протуберанец грозил отставкой по всем статьям – «за подлость, низость и попранное слово будущего советского офицера». Антибиотик юлил. Ночной сын Костик, так и не дождавшись последнего номера, перестал здороваться. Жить не хотелось...

Лишь через месяц, сложив в портфель номера разнесчастных журналов, пришлось ехать вместе с Вовчиком к очкастой, чтобы извиниться и вернуть товарищу благосклонное отношение девицы.

А потом были гosas. Неблагодарный Антибиотик отыгрался на мне по полной, вклеив в аттестат единственный подлый «трояк». А напоследок буркнул:⁵

– Не быть тебе коммунистом...

Как в воду смотрел: партия обошла меня стороной, даже не шоркнув.

Впрочем, вскоре всё забылось.

Но, как оказалось, не всё. В памяти навсегда остались Валентин Пикуль и его Распутин.

Рига, 1990 г.

⁵ Государственные выпускные экзамены в вузе.

Позже судьба свела меня с Валентином Пикулем ближе. Произошло это в то время, когда я, молодой офицер, проходил службу в Риге.

Не секрет, что по ночам работали Бальзак, Жорж Санд и Достоевский. Но впервые, что называется, вплотную столкнуться с феноменом «*писатель-сова*» мне пришлось в свой рижский период военной службы. В то время в латвийской столице творил великий мастер «пера и шпаги» Валентин Саввич Пикуль. Пикуль писал исключительно по ночам, и об этом все знали, причём от самого же писателя.

Но одно слышать, другое – быть очевидцем. Валентин Саввич проживал в добротном кирпичном доме на улице Весетас, по соседству с моей тётушкой, которая, к слову, и показала мне дом и окна своего именитого соседа. Так вот, в любое время ночи в «пикулевском доме», как яркий светлячок в темноте, сияло одно большое окно – там работал Мастер. Иногда, подойдя ближе, я старался расслышать удары пишущей машинки. И когда их слышал, сердце наполнялось радостью: за тем окном рождались «Крейсера», «Честь имею», исторические миниатюры... Здесь же появилась книга о Григории Распутине – «Нечистая сила».

Много позднее, когда мне случалось засидеться за письменным столом допоздна, и когда глаза непослушно слипались, я всегда вспоминал яркое окно на рижской улице Весетас, за которым творил мой любимый писатель. Для меня «феномен Пикуля» навсегда остался большой загадкой: как это – работать по ночам? А потом, поутру, позавтракав (или поужинав?), лечь спать? И стоило ли ложиться? Тогда откуда брать силы для ночного бдения? А как быть с повседневными делами – встречами, звонками, поездками?.. Повседневщину, хочешь не хочешь, из жизни не выкинешь. Сам Пикуль об этом говорил кратко: «Привык. Ещё с юности...»

Как-то на вопрос о самом запоминающемся дне в его жизни Валентин Саввич ответил: «Самый запоминающийся – тот день, когда из гроба высовывался острый ястребиный нос Суслова. После этого многое изменилось...»

То были слова измученного Советской властью человека. Сталин готовил члена ЦК Михаила Суслова наследником после себя. Не успел, умер. Но Суслов не растерялся и четверть века в качестве «серого кардинала» правил балом в ЦК, являясь главным партийным идеологом. Высылки за границу и психлечебницы для инакомыслящих, запрет свободы слова, наконец, ввод советских войск в Афганистан – всё это он, тов. Суслов. Как уже говорил, Пикуля при жизни сильно гнобили. Сначала свои же «друзья-коллеги» из писательской среды, обвинявшие талантливого «конкурента» в отсутствии соответствующего образования и чуть ли не в том, что он якобы «примазался» к их писательскому ремеслу. Потом – этот самый Суслов, долгие годы не дававший «добро» на издание самобытных и не «идеологизированных» романов. Писатель защищался как мог. Спасением были стол, пишущая машинка и... ночь.

Я часто вспоминаю, с какой жадностью мы, студенты, зачитывали до дыр номера журнала «Наш современник», напечатавшего на своих страницах знаменитый роман о Распутине. И уже тогда понимали: вот у кого следовало поучиться, как *нужно* писать, чтобы дарить читателям *истинное удовольствие*.

«Перестройка» явилась своеобразным ренессансом пикулевской прозы (продолжающимся, впрочем, и поныне). Но годы борьбы давали о себе знать. Ночной «светлячок» в рижском доме на улице Весетас горел всё реже и реже. Один инфаркт, другой... Летом 1990-го «светлячок» погас.

* * *

Сегодня о «старце» Распутине известно столько, что уже почти невозможно отделить действительное от вымышленного. По крайней мере, имя убийцы «святого чёрта» – князя Феликса Юсупова – в течение целого века никто не оспаривал. Однако всё течёт, всё изменя-

ется. Последние архивные находки указывают на то, что Григория Распутина убили совсем не те люди, которые в этом давно признались. И убедить читателя в обратном, думаю, будет не так легко.

Впрочем, не будем торопиться...

*Это я плясал перед царским троном
В крылатой поддевке и злых сапогах.
Это я зловецей совою влетел в Романовский
дом,
Чтоб связать возмездье с судьбою
Неразрывным красным узлом,
Чтоб метлою пурги сибирской
Замести истории след...
Зырянин с душою нумидийской
Я – родной мужицкий поэт.*

Николай Клюев

Глава I

*...Укоряемы – благословляйте, гонимы – терпите, хулимы –
утешайтесь, злословимы – радуйтесь.*
Св. Серафим Саровский

...Откуда он появился, этот Распутин, и почему так близко приблизился к Трону? Ведь далеко не всякий князь был вхож не только к Романовым, но и в ближайшее окружение императора. А тут сибирский мужик, крестьянин – и прямиком в царские покои. Чудеса – да и только! Явившийся в столицу с рублём в кармане, очень скоро он станет ворочать миллионами! Действительно – чудеса...

Однако не бывает чудес без жизненной подоплеки, а потому любому чуду предшествуют определённые обстоятельства. И такие обстоятельства у Романовых действительно имелись.

Уже само восшествие на Трон в 1896 году показалось цесаревичу Николаю неким актом из шекспировской трагедии. Так, во время коронации императора Николая II, когда Александре Фёдоровне прилаживали корону к причёске, сильно (до крови) укололи заколкой. А после коронационного шествия у монарха внезапно оборвалась цепь ордена Андрея Первозванного, и орден упал наземь!

Но ещё до этого, когда новоявленный император 17 января 1895 года впервые предстал перед своими подданными, произошла досадная заминка. Всё шло своим чередом, пока Николай не обратился к присутствующим с заученной накануне речью. То ли срывающийся фальцет неуверенного в себе вчерашнего цесаревича, то ли уступавший в осанности отцу внешний вид Николая привели к лёгкому замешательству среди слушателей. Кончилось тем, что золотое блюдо с хлебом-солью, находившееся в руках одного из представителей местного дворянства, вдруг, рухнув, со звоном покатилося, опрокинув и душистый хлеб, и золотую солонку с солью...

Пиком нехороших примет явились коронационные гуляния на Ходынском поле в Москве, вылившиеся в чудовищную давку, в результате которой погибли сотни человек.

День 9 мая, к восторгу публики, выдался на редкость тёплым и солнечным. По Высочайшему волеизъявлению был устроен праздник для народа – гуляния на Ходынском поле. Планировалось, что допуск на Ходынку будет осуществляться через проходные буфеты, где каждому гарантировался памятный подарок – бумажный куль с пряниками и прочими сладостями, колбасой, фунтовой сайкой. Туда же прилагалась эмалированная кружка с изображением Августейшей пары и программа праздника, который должен был закончиться в восемь вечера пышным фейерверком на Воробьёвых горах.

За дармовыми пряниками с подарочной кружкой народ потянулся к Ходынке загоя. Каждый, как правило, приводил с собой всю семью, за исключением разве что немощных стариков. «Подтянулось» никак не меньше полумиллиона человек. Ближе к 10 часам утра, когда должны были раздаваться подарки, толпы вновь прибывавших людей стали теснить пришедших до них. Однако злосчастные проходные буфеты никак не открывались. Началась давка, быстро превратившаяся при таком стечении народа в кровавое месиво. (В Ходынской давке погибло 1 389 человек.)

Тем не менее коронационные мероприятия в Москве продолжались три недели. В день отъезда Романовых из Первопрестольной, на том же самом Ходынском поле новым императором Николаем II был проведён смотр войск. Вокруг по-прежнему теснилось много народа, и вновь, приветствуя молодого монарха и Семью, все восторженно кричали «ура!». О произошедшем здесь недавно уже никто не вспоминал.

«...Весь жизненный путь Николая II отмечен неумолимым роком, – писал князь Феликс Юсупов. – И не только на внешних событиях жизни и царствования Государя, но и на душе как бы лежала печать обречённости. Могла ли у человека, смиренно покорившегося своей судьбе, развиться твёрдая воля и непреклонная решимость, не знающая колебаний и отступлений? И не зародились ли в его душе сомнения в те дни коронационных празднеств, когда торжественный путь молодого Царя, приехавшего в древнюю столицу получить благословение Церкви на свою державу, было покрыто изуродованными трупами его подданных, погибших в нечаянной и жуткой катастрофе Ходынки?»⁷

Но был ещё один случай – странный эпизод, названный кем-то «мистическим ужасом». Об том вспоминали позже и Шульгин, и Головин, и даже Родзянко.

Произошло же вот что. Как-то ранним мартовским утром, незадолго до открытия очередного заседания II Государственной Думы, в номере гостиницы «Европейская» раздался телефонный звонок. Трубку поднял вновь избранный председатель Думы Ф. А. Головин.

– Слушаю вас...

– Прошу прощения, уважаемый Фёдор Александрович. Барон Остен-Сакен. Произошла катастрофа...

По мере того, как думский глава выслушивал начальника охраны Таврического дворца, лицо его, ещё минуту назад такое безмятежное-сонное, становилось багровым. Как стало известно, случилось серьёзное происшествие: в зале заседаний Думы... рухнул потолок.

«Картина была потрясающая, – вспоминал Головин. – Вся штукатурка, толстая и тяжелая, рухнула с высоты восемнадцати аршин (двенадцати метров), поломав и исковеркав по дороге люстры. Она легла двумя громадными пластами на левую и правую стороны полукружья с пюпитрами членов Думы. Если бы эта катастрофа случилась несколькими часами позже, то убитых и изувеченных членов Думы была бы масса. Судя по тому, чьи пюпитры были разбиты, можно предположить, что уцелели бы те члены Думы, которые сидели в центре, а более всего пострадали бы депутаты, занимавшие места на флангах».

Произошло это... 2 марта 1907 года – ровно за 10 лет до настоящей Катастрофы.

Известный думский лидер правых Василий Шульгин, рассказывая об этом позже, подведёт жирную черту: ⁸«...Рок уже распластал над всеми нами свои зловеющие крылья. Этот

⁶ Юсупов, Феликс Феликсович, граф Сумароков-Эльстон (1887–1967), – последний из князей Юсуповых, получивший большую известность как участник убийства Григория Распутина. Автор двух книг воспоминаний – «Конец Распутина» (1927 г.) и «Мемуары» (1952 г.). Младший сын княжны Зинаиды Николаевны Юсуповой и графа Феликса Феликсовича Сумарокова-Эльстона. После гибели в 1908 году на дуэли старшего брата Николая Феликс стал единственным наследником огромного состояния. В 1909–1912 гг. учился в Оксфорде. Бисексуал. После Октябрьской революции Юсуповы уехали в Крым, откуда эмигрировали на Запад. Выживали на средства, вырученные от продажи фамильных драгоценностей и двух полотен Рембрандта, вывезенных из России. Большую часть жизни в эмиграции семья прожила в небольшой квартире в XVI округе Парижа, на улице Pierre Guerin.

⁷ Юсупов Ф.Ф. Конец Распутина. Париж, 1927. С. 236.

⁸ Шульгин, Василий Витальевич (1878–1976), – известный политический и общественный деятель Российской империи, публицист. Из потомственных дворян. Депутат II, III и IV Государственных дум. Русский националист и монархист. Окончил юридический факультет Киевского Императорского университета святого Владимира (1900 г.). Отличался высокой эрудицией, владел несколькими иностранными языками; хорошо играл на гитаре, фортепиано и скрипке. В Государственной думе проявил себя великолепным оратором. С началом Первой мировой войны добровольцем ушёл на фронт; под Перемышлем был ранен. Во время Февральской революции вместе с депутатом Гучковым принял отречение из рук Николая II. Один из организаторов и идеологов Белого движения. В ноябре 1920 года эмигрировал в Константинополь. С осени 1924 года обосновался в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. Активный участник РОВС. В качестве секретного агента РОВС с 23 декабря 1925-го по 6 февраля 1926 года побывал на территории СССР (в Киеве, Москве и Ленинграде). Был втёмную использован

маленький обвал потолка был ведь только предзнаменованием величайшего крушения. Царская корона упала на Государственную Думу, пробила купол Таврического дворца, похоронила народное представительство, а заодно и тысячелетнюю империю»⁹.

«Analis pater, talis filius, – когда-то ораторствовал мудрый римлянин Сенека. – Каков отец, таков и сын», – обличал он врагов и подбадривал юные дарования. И, словно в доказательство сказанному, всегда оказывался прав.

В чём кроется трагизм последних Романовых? Быть может, в полной несхожести характеров Александра III и его сыновей? Иль всё-таки в той самой «революционной ситуации», к которой после смерти Александра оказался не готов ни один из Романовской династии? Возможно, не умри так рано изодранный в интригах ещё не старый император, всё сложилось бы совсем иначе, и «на обломках самовластья» не пришлось бы вписывать чьи-то имена. Наверное, так оно и было бы – что, однако, далеко не факт.

Складывается впечатление, что Николаю действительно было далеко до своего имени-отца-«миротворца». Хотя я могу и ошибаться. Зато Сенека – нет. Сенека ошибся лишь единожды – когда взрастил Нерона – дитя, сумевшего сгубить взрастившего его...

* * *

В 1904 году в Августейшем семействе, наконец-то, родился наследник – долгожданный сын после четырёх рождённых до этого Александрой Фёдоровной дочерей. Радость в империи была превеликая, причём ликовала не только вся Императорская Фамилия, спешившая поздравить счастливых родителей, но и простой русский народ.

К сожалению, радость оказалась преждевременной: вскоре выяснилось, что цесаревич Алексей неизлечимо болен. Страшный и таинственный ген редкой болезни – *гемофилии*, – унаследованный ребёнком от немецких родственников своей матери, очень быстро стал проявлять свои губительные свойства. Небольшая ранка и крохотная ссадина из-за плохой свёртываемости крови обильно кровоточила, причём кровотечения было трудно остановить. Всё это сопровождалось сильными болями. В результате, любой день и час для маленького Алексея мог стать последним. Он рос слабым и болезненным, с трудом ходил, из-за чего даже в восьмилетнем возрасте ослабленного подростка носил на руках специально приставленный к нему дядька-матрос Деревенко (боцман с императорской яхты «Штандарт»).

Здесь позволю себе кое-что пояснить.

Начиная с XIX века, жёнами российских монархов, по большей части, были немецкие принцессы, и с каждым новым поколением русской крови в жилах цесаревичей становилось всё меньше и меньше. Достаточно сказать, что из одного только гессенского Дармштадтского замка на российском Троне побывало три немецких принцессы: Августа-Вильгельмина-Луиза (Наталя Алексеевна, жена Павла I), Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария (Мария Александровна, жена Александра II) и Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса (Александра Фёдоровна, жена Николая II).

А началось всё с дочери Петра Великого (старшей сестры императрицы Елизаветы) Анны Петровны, сын которой от брака с герцогом Гольштейн-Готторпским Карлом Фридрихом –

чекистами в так называемой операции «Трест». Поддерживая идею «русского фашизма», с началом Второй мировой войны Шульгин увидел в национал-социализме угрозу национальным интересам России. В декабре 1944 года, когда в Югославию вошли советские войска, Шульгин был задержан, вывезен через Венгрию в Москву и приговорён к 25 годам лагерей. Срок отбывал во Владимирском центральном. После освобождения Шульгин под конвоем был отправлен в городок Гороховец Владимирской области, где его поместили в инвалидный дом. Умер Василий Витальевич во Владимире 15 февраля 1976 года, на девяносто девятом году жизни, от приступа стенокардии. Похоронен на владимирском кладбище «Байгуши», рядом с женой.

⁹ Шульгин В.В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 66–67, 70.

Карл Петер Ульрих – в январе 1862 года взошёл на российский престол под именем Петра III. Ничего удивительного, что его жена тоже оказалась немкой, да не абы какой, а принцессой Ангальт-Цербстской. После убийства своего мужа бывшая принцесса София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, принявшая православие под именем Екатерины Алексеевны, станет императрицей Екатериной II.

Так что сын Петра III и Екатерины II – император Павел I – уже являлся, по сути, истинным немцем. Его первой женой, как уже было сказано, была принцесса Гессен-Дармштадтская Августа-Вильгельмина-Луиза (в православии – Наталья Алексеевна); второй – принцесса Вюртембергская София Мария Доротея Августа Луиза (Мария Фёдоровна). Двое из десяти детей от второй жены (первая оказалась бездетной) станут императорами – Александр и Николай.¹⁰

Александр Павлович (Александр I) женится на Баден-Баденской принцессе Луизе Марии Августе (Елизавете Алексеевне); Николай Павлович (Николай I) выберет в жёны Прусскую принцессу Фредерику Луизу Шарлотту Вильгельмину (Александру Фёдоровну).

Впрочем, тесная семейная связь между Романовыми, Гогенцоллернами и прочими германскими ветвями прослеживается не только по правящей линии: на рубеже XVIII–XIX веков аналогичная ситуация сложилась и вокруг Трона. Один из сыновей Павла I, Константин, был женат на Саксен-Кобург-Заальфельдской принцессе Юлиане Генриетте Ульрике (Анне Фёдоровне); а младший, Михаил, – на Вюртембергской принцессе Фредерике Шарлотте Марии (Елене Павловне).

Не отставали от братьев и дочери Павла I. Александра Павловна была выдана замуж за эрцгерцога Австрийского Иосифа Антона Иоганна Габсбург-Лотарингского; Елена Павловна – за герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха Людвига; Мария – за герцога Саксен-Веймарского Карла Фридриха, а Екатерина – за принца Ольденбургского Георга Петра. И лишь принцесса Анна выберет в мужья не истинного немца, а голландца – короля Нидерландов Виллема II.

Первой супругой императора Александра II (сына Николая I) будет Гессенская принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария (Мария Александровна), один из сыновей которой, Александр (будущий Александр III), позже наследует престол. Супругой же Александра III станет Датская принцесса Мария София Фредерика Дагмара (Мария Фёдоровна). Последняя – мать Николая II, женившегося на Гессен-Дармштадтской принцессе Алисе Виктории Елене Луизе Беатрисе (Александре Фёдоровна).

Такой вот вкратце расклад.

В свете нашего повествования нам следует запомнить следующее. Мария Фёдоровна (Дагмара) являлась родной сестрой жены английского короля Эдуарда VII. Именно поэтому сын последней – английский король Георг V – по материнской линии был кузеном (двоюродным братом) российского императора Николая II, а по отцовской – германского Вильгельма II. Мало того, Николай II являлся праправнуком прусского короля Фридриха Вильгельма III, а Вильгельм II – был его правнуком. Из всего этого следует, что русский царь приходился германскому королю кровным родственником. Правда, не ближайшим, а вода на киселе: троюродным племянником. Тем не менее.

Разгадка того, что рядом с российским императором непременно оказывалась *немецкая принцесса* (как исключение – датская принцесса Дагмара, супруга Александра III) достаточно проста. На первый взгляд может показаться – совпадение (ну, пусть любовь). Но то лишь – на

¹⁰ В вопросе об отцовстве Павла I историки сильно сомневаются. После почти десятилетнего отсутствия детей у замужней принцессы Ангальт-Цербстской возникнет интимная связь с молодым камер-юнкером Сергеем Салтыковым. Некоторые считают, что именно Салтыков, ставший позже по велению императрицы графом, и явился отцом родившегося в 1754 году наследника Павла Петровича. «Изюминка» вопроса: история сохранила слишком мало портретов графа Салтыкова (это и понятно), но, по воспоминаниям современников, Павел I – это и есть... портрет Салтыкова.

первый взгляд. Копнув глубже, становится понятно, что всё далеко не так просто, и любовь тут, в общем-то, ни при чём. А если быть уж совсем точным, то главная причина – *в вероисповедании*.

Как бы ни был влюблён православный наследник в «заморскую» принцессу, если та была француженкой, испанкой или, скажем, итальянкой, шансов увести сердцеедку под венец у него почти не было. А всё потому, что та являлась *католичкой*. Для брака российского наследника было важно, чтобы не было нарушено обязательное условие, внесённое ещё императором Павлом в начертанном им «*Законе о престолонаследии*», которое определяло, чтобы монарх был *православного вероисповедания*. Под венец, таким образом, можно было идти лишь с человеком единой веры. Следовательно, если избранница оказывалась иного вероисповедания, ей волей-неволей приходилось принимать православие. Вот тут-то и начинались основные трудности.

Чтобы перейти из католичества в другую веру, необходимо было заручиться разрешением Папы Римского. А какой Папа даст согласие отречься члену монаршей семьи от своей веры? Словом, Ватикан в таких случаях, оставаясь непреклонным, всегда был против. Зато, скажем, лютеранам (читай – немцам) согласия Рима не требовалось: всё решала семья и её родственное окружение. Но и без этого переход из одной веры в другую являлся для избранницы решительным и даже мучительным шагом (согласитесь, тогда были более набожные люди, нежели сегодня).

К слову, и упомянутая нами датская принцесса Дагмара до замужества была лютеранкой. Однако, приняв в России православие, стала великой княжной Марией Фёдоровной Романовой. Всё объяснимо, не правда ли?

* * *

При всех характеристиках императора Николая II, данных ему друзьями и недругами, с одной из них никак нельзя согласиться. «*Он был безразличен*, – писал о Николае генерал Врангель. – *Он ничего и никого не любил...*» Вот тут ошибался «чёрный барон», ещё как ошибался! Человек, о котором идёт речь, был не просто холоден и безразличен (титул обязывает, знаете ли), но и *горячо любил*, и был не менее страстно *любим*. Но всё по порядку...

Русскому императорскому роду Романовых на фоне прочих европейских монарших династий всегда было чем гордиться. Правивший Россией Петр Великий прорубал «окно в Европу»; другая Великая – Екатерина (пусть по крови далеко не Романова), – ещё более распахнув «окошко», расширила и укрепила российские границы «от моря и до моря». Дед нашего героя – Александр II «Освободитель» – скинул со своего народа вековые оковы (за что, правда, от того же народа жестоко поплатился); а отец Николая – Александр III, названный благодарными современниками «Миротворцем», – с упоением освобождал угнетённые европейские народы.

Зато Николаю Александровичу Романову, или императору Николаю Второму, в отечественной истории долгие годы суждено было несправедливо оставаться... *Николаем Кровавым*. Потом несправедливость всё же устроят, и последний свергнутый российский император Священным Синодом будет причислен к лику Святых. Но до сих пор, спустя столетие, Николай II воспринимается потомками либо Кровавым, либо Святым – в зависимости от шаткого людского мировоззрения. И хотя зверски казнённого вместе с семьёй императора назвать, кроме как *Мучеником*, язык не поворачивается, спорить не будем: рано или поздно История всё расставляет по своим местам (впрочем, уже расставила).

А пока суд да дело, скажем откровенно: из всех причисляемых Николаю достоинств и недостатков наивысшего успеха этот человек достиг не на поле брани или политических баталиях, а... в собственной семье, оставшись в памяти современников прекрасным сыном, мужем

и отцом. Вот и получается, что свергнутый монарх по прихоти судьбы оказался отнюдь не Великим или Миротворцем: Николаю Второму суждено было стать... *Николаем Влюблённым* (некоторые называют его менее романтично: *Семьянином*). Таким он заступил на престол, таким он правил огромной Империей и таким же лицом к лицу встретил чекистскую пулю.

Супружеская переписка Николая и Александры в годы Мировой войны – вполне зрелых людей, в семье которых росло пятеро детей, – полна нежно-любовных эпитетов, свойственных лишь шестнадцатилетним трепетным сердцам. «*Мой милый*», «*голубчик*», «*моё сокровище*», «*бесценный мой*», «*ангел дорогой*» – вот лишь краткий перечень любовного словесного потока, которым осыпает далеко не молодая императрица своего супруга. «*Душка-жёндушка*», «*моё возлюбленное солнышко*», «*моя возлюбленная*», «*душка-солнышко*» – пишет в ответ внешне сдержанный Николай, сильно тоскующий по семье и «ненаглядной Аликс» (так называл супругу Николай).

Возможно, после Николая Александровича и не было больше на Троне подобных влюблённых людей, настолько преданных своей семье. Великих и могущественных, скупых и щедрых, скудоумных и одарённых – любых на выбор; а вот страстно влюблёнными в браке не могли похвастать ни праздный французский Версаль, ни чванливый дворец Сан-Суси, ни мрачный лондонский Виндзор.

Свою будущую невесту, юную немецкую принцессу Алису-Викторию Гессен-Дармштадтскую, цесаревич Николай Романов впервые увидел, когда ему едва исполнилось шестнадцать – самый возраст для пылкой и романтической любви. И он влюбился. В белокурую, с густыми выющимися волосами принцессу нельзя было не влюбиться – тем более, когда тебе шестнадцать. Николай полюбил всем сердцем, способным на искреннюю платоническую любовь. Правда, его избраннице было тогда лишь двенадцать, но и её смутил юный наследник с такими трепетными «глазами газели». Ну что же, решил про себя влюблённый Ники-Ромео, подожду. И... обязательно добьюсь своего!

Когда через пять лет он попросит у отца благословение на брак, против потерявшего от любви голову Николая уже ополчится вся Семья: куда, мол, спешить, принцесс в Европе – пруд пруди, сыщется познатнее, да и побогаче. Взять ту же принцессу Орлеанскую: красавица и мягкого нрава. Ну чем, скажи-ка, не невеста?! А что Алиса? «Деревянная, холодные глаза», да и вообще... «будто аршин проглотила»...

К удивлению именитых родителей, в любви Николай оказался непоколебим. «*Моя мечта – когда-нибудь жениться на Аликс Г. ...Я почти убежден, что наши чувства взаимны*», – запишет в своём дневнике мучимый приятной грустью цесаревич декабрьским вечером 1890 года.

Но со стороны принцессы против неугодного брака выступила сама «бабушка монаршей Европы» британская королева Виктория, родная бабка Алисы по матери, во дворце которой воспитывалась принцесса. Подумаешь, Николай! Да мы для нашего «Солнечного Лучика» (именно так именовали в Букингемском дворце всеобщую любимицу Алису) найдём кое-кого и получше! И не только среди «русаков» и «пруссаков»...

Как водится в таких случаях, начались подковерные интриги и каверзы – словом, хоть плачь. Плакать, кстати, никто не собирался: именно тогда в жизни Николая появилась Матильда Кшесинская (наивный, он и не догадывался, что балерина впорхнула в царскую форточку лишь после того, как её ловко приоткрыл сам отец-император).

Но Любовь победила! Мало того, эта Любовь пройдёт через всю их жизнь некой особенной линией, разделившей Николая-государственника (серьёзного, слегка растерянного и несколько неуверенного в себе) от Николая-семьянина (любящего, счастливого и очень чувствительного). И из этих двух Николаев, отличавшихся, как небо от земли, он предпочтёт вто-

рого – *семьянина*. И действительно, что бы ни происходило вокруг, в первую очередь, он всегда будет думать только о Семье – матери, жене, детях.

Мягкий по натуре, Николай, в отличие от отца, хорошо музицировавшего на виолончели, этому неуклюжему и гулкому инструменту предпочтёт лёгкую и нежную скрипку, игра на которой будет приводить супругу в восторг. Восстания, революции, войны – ничто, казалось, не трогало императора: он был поглощён... Алисой и собственной семьёй.

* * *

Тихое семейное счастье, ненадолго поселившееся в семье Романовых с рождением Наследника, постепенно уступило место постоянному страху за его жизнь, нервозности отца и истеричности матери. Именно тогда в Петербурге и появляется сектант-хлыст из далёкой сибирской глубинки Григорий со странной фамилией Распутин.

Григорий Ефимович Распутин (Новый, Новых; 1869–1916) родился в селе Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии. Так, в материалах переписи населения от 1 января 1887 года обнаружено следующее: «...*Якова Васильева Распутина второй сын Ефим 44-х лет, дочь его Феодосия 12-ти лет, Ефима сын Григорий 17-ти лет...*»¹¹

Его отец, Ефим Яковлевич Распутин, несмотря на перешёптывания сельчан, что «шибко пил водку», слыл мужиком прижимистым. У «Ефимки» был огромный восьмикомнатный дом, восемь лошадей и двенадцать коров – для сибирской глубинки вполне справное хозяйство.

Из скудной «автобиографии» Распутина известно, что с 15 до 28 лет он страдал энурезом (ночным недержанием мочи) и бессонницей. «*Вся жизнь моя была болезни, – вспоминал сам Распутин. – Медицина мне не помогала, со мной ночами бывало, как с маленьким: мочился в постели*»¹².

Поговаривали, будто от хворей Гришутку избавил сам Симеон Праведный Верхотурский.

Однако, когда повзрослел, выяснилось, что ни для семьи, ни для крестьянского нелёгкого труда он оказался непригодным. Уехав в Тобольск, устроился там гостиничным половым; потом женился на служанке Прасковье, родившей ему шестерых детей. Однако трое первых младенцев умерли вскоре после рождения. Выжили только сын и две дочери. Но жить с семьёй показалось скучно. Другое дело – странствовать: по монастырям, святым местам, епархиям, городам и весям... Дважды ходил в Иерусалим.

«Никому не подчиняться, ни в каком постоянном труде не участвовать, ни перед кем и ни за что не отвечать, но в то же время судить обо всем, учить всех, вмешиваться во все дела, предсказывать все, что имеет быть, и всем давать свои поручения – вот жизненный идеал, который привлекает очень многих. И этот идеал в полной мере воплощен в Распутине»¹³, – писал о нем епископ Дионисий (Алферов).

Из воспоминаний князя Ф. Юсупова:

«Сперва водит дружбу с полуграмотными дьячками и причетниками, потом завоевывает иереев и игуменов. Эти тоже видят в нем «посланника Божия». А дьяволу того и надо. В Царицыне он лишает девственности монахиню под предлогом изгнания бесов. В Казани замечен выбегающим из

¹¹ Князев С. Распутины из села Покровского и их корни в Коми крае. // Генеалогический вестник. 2001. № 5.

¹² Платонов О.А. Терновый венец России. Пролог царевубийства. Жизнь и смерть Григория Распутина. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2001. С. 325.

¹³ Варламов А.Н. Григорий Распутин-Новый. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 18.

борделя с голой девкой впереди себя, которую хлещет ремнем. В Тобольске соблазняет мужнюю жену, благочестивую даму, супругу инженера, и доводит ее до того, что та во всеуслышанье кричит о своей страсти к нему и похваляется позором. Что ж с того? Хлысту все позволено!.. Слава «святого» растет не по дням, а по часам. Народ встает на колени, завидев его...

Распутин оказался хитер и дальновиден: не скрывал своего крестьянского происхождения. «Мужик в смазных сапогах топчет дворцовый паркет», – скажет он сам про себя. Но карьере он делает не на лести, отнюдь. С государями говорит он жестко, почти грубо и тупо – «голосом земли русской». Морис Палеолог, в ту пору посол Франции в Петербурге, рассказывал, что, спросив одну даму, увлечена ль и она Распутиным, услышал в ответ: «Я? Вовсе нет! Физически он мне даже и мерзок! Руки грязные, ногти черные, борода нечёсана! Фу!.. А все ж он занятен! Он натура пылкая и художественная. Порой очень красноречив. У него есть воображение и чувство таинственного... Он то прост, то насмешлив, то страстен, то глуп, то весел, то поэтичен. Но притом всегда естествен. Более того: бесстыден и циничен поразительно»...»¹⁴

Итак, в дождливый Петербург будущий «старец» явился оборванным и босым, остановившись в убогой монастырской гостинице. На его счастье, странника заметил епископ Гермоген (Долганёв), приблизивший Григория.¹⁵

Обладая большой силой, данной ему природой, и владея некоторыми приёмами гипнотического внушения, Распутин быстро заставил заговорить о себе весь столичный бомонд как о «пророке», способном, благодаря «особому умению» избавлять от болезней и порчи. Слухи исходили, в основном, от женщин обеспеченных, весьма экзальтированных и склонных к истерикам.

Богатырём, конечно, «старец» не был, но гипнозом, надо думать, владел в совершенстве. Именно *глаза* выдавали в нём незаурядную личность.

«Одет Распутин был в длинную русскую рубаху, штаны заправлены в высокие сапоги, поверх рубахи – какой-то полукафтан, полузипун, – вспоминал о царском фаворите бывший флигель-адъютант императора Н.П. Саблин. – Производила неприятное впечатление неопрятная, неровно остриженная борода. Был он шатен, с большими светлыми, очень глубоко сидящими в орбитах глазами. ¹⁶Глаза были чем-то не совсем обыкновенные. В них «что-то» было. ...Когда в 1912 году царская семья была в Ялте, я попросил

¹⁴ Князь Феликс Юсупов. Мемуары. М.: Захаров, 2019. С. 172–173. (Последующие ссылки на это издание.)

¹⁵ Епископ Гермоген (в миру Георгий Ефремович Долганев или Долганёв, 1858–1918), – епископ Православной российской церкви. Черносотенец. В 2000 году прославлен в лике святых Русской православной церкви. Окончил юридический факультет Новороссийского университета и Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В состоянии душевного припадка подверг себя самооскоплению. С 1898 года – ректор Тифлисской духовной семинарии; лично исключил из семинарии за прогулы и низкую успеваемость семинариста Иосифа Джугашвили. Во время революции 1905 года, будучи епископом Саратовским и Царицынским, проявил себя как последовательный монархист. В начале 1912 года Синод начал преследование епископов Гермогена и Илиодора, которые к тому времени вступили в конфликт с Григорием Распутиным. С марта 1917 года – епископ Тобольский и Сибирский. В июне 1918 года был утоплен чекистами в реке Туре.

¹⁶ Саблин, Николай Павлович (Саблин 2-й; 1880–1937), – русский морской офицер. Участник подавления Боксёрского восстания в Китае, Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. В 1898 году окончил Морской кадетский корпус. Начиная с должности ординарца коменданта Владивостока. В Русско-японскую войну – вахтенный начальник на крейсере «Алмаз»; принимал участие в Цусимском сражении. После войны – офицер императорской яхты «Штандарт» (1906–1911 гг.); старший офицер «Штандарта» (1911–1914 гг.). Флигель-адъютант (1912 г.). С ноября 1915 года – командир Отдельного батальона Гвардейского экипажа. После Февральской революции уволен в отставку. В Гражданскую войну состоял в Вооружённых силах Юга России (ВСЮР). В 1920 году эмигрировал. Живя во Франции, был председателем объединения Гвардейского экипажа. Скончался в Париже; похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

священника, бывшего на яхте, пойти и поговорить... с Распутиным. Он был, говорил. И вынес то же отрицательное впечатление. В частности, священник тоже обратил внимание на глаза Распутина, сказав: «У него в глазах что-то есть»...»¹⁷

Князь Ф. Юсупов:

«Конечно, Распутин обладал гипнотической силой. Министр Столыпин, открыто боровшийся с ним, рассказывал, как, призвав его однажды к себе, чуть было сам не попал под его гипноз: «Он вперил в меня свои бесцветные глаза и стал сыпать стихами из Библии, при этом странно размахивая руками. Я почувствовал отвращение к проходимцу и в то же время очень сильное его на себе психологическое воздействие. Однако я овладел собой, велел ему замолчать и сказал, что он целиком в моей власти»...»¹⁸

«Единственный раз, когда мне удалось столкнуться с Распутиным и обозреть его на близком расстоянии, – вспоминал князь А.Д. Голицын, – имел место в поезде, в коридоре вагона первого класса, в котором я возвращался из Крыма в Харьков. Я вышел из своего купе и увидел странную фигуру, одетую необычайно для публики вагона первого класса, стоящую лицом к окну и созерцающую ландшафты, мелькающие перед ним. Одет он был в чёрную длиннополую косоворотку поверх шёлковой русской рубашки со стоячим воротником, конечно, без галстука. На ногах у него были высокие лакированные сапоги бутылками, а волосы, зачёсанные назад и, по-видимому, смазанные елеем, ниспадали на затылок, как у лиц духовного звания. Когда он повернулся в мою сторону, меня поразили его глаза. Стальной, острый взгляд его пронизал всё моё существо. У меня тотчас мелькнула мысль в голове: это, наверное, Распутин. Моё предположение подтвердилось»¹⁹.

Вот ещё одно воспоминание очевидца:

«Распутин сидел в столовой, между двумя девушками, это были его дочери... Глаза... я физически помню это ощущение... глаза впились в меня. Стол был в цветах, напротив сидела молоденькая беленькая Муня – Мария Головина, фрейлина императрицы. Все время звонили и приезжали. Приезжали женщины. Муня бегала открывать дверь с усердием служанки. Потом он сказал ей: «Пиши». И стал говорить. Все было – о кротости, о душе. Я пыталась запомнить и потом, придя домой, даже записала, но это было уже не то. А тогда у всех зажглись глаза... это был неизъяснимый поток любви... Я опьянела»²⁰.

Феликс Юсупов-младший познакомился с Распутиным в 1909 году, когда обратился к «старцу» по довольно щепетильному делу: князь рассказал «знахарю» о своих гомосексуальных наклонностях. Григорий Ефимович за лечение взялся со знанием дела, проводя беседы и гипнотические сеансы. Не ограничившись только этим, он делал замысловатые пассы и даже укладывал пациента через порог.

Вспоминая о впечатлении, оказанном на него Распутиным во время одного из таких сеансов, Юсупов писал:

¹⁷ Гуль Р.Б. Я унёс Россию. В 3-х томах. М.: Б. С. Г-Пресс, 2001. Т. 2. С. 277–278.

¹⁸ Юсупов Ф. Указ. соч. С. 175.

¹⁹ Князь Голицын А.Д. Воспоминания. М.: Русский путь, 2008. С. 333–334.

²⁰ Радзинский Э.С. Николай II. М.: АСТ МОСКВА, 2007. С. 127–128.

«...«Старец» уложил меня на канапе. Потом, проникновенно глядя мне в глаза, стал водить рукой по моей груди, голове, шее. Опустился на колени, положил руки мне на лоб и зашептал молитву. Наши лица были так близко, что я видел только его глаза. Он оставался так некоторое время. Вдруг вскочил и стал делать надо мной пассы.

Гипнотическая власть Распутина была огромна. Я чувствовал, как неведомая сила проникает в меня и разливает тепло по всему телу. В то же время наступило оцепенение. Я одеревенел. Хотел говорить, но язык не слушался. Потихоньку я погрузился в забытие, словно выпил сонного зелья. Только и видел перед собой горящий распутинский взгляд. Два фосфоресцирующих луча слились в огненное пятно, и пятно то близилось, то отдалялось. Я слышал голос «старца», но не мог разобрать слов.

Я лежал так, не в силах ни крикнуть, ни шевельнуться. Только мысль оставалась на воле, и я понимал, что исподволь оказываюсь во власти гипнотизера. И усилием воли я попытался гипнозу сопротивляться. Сила его, однако, росла, как бы окружая меня плотной оболочкой. Впечатление неравной борьбы двух личностей. Все ж, понял я, до конца он меня не сломил. Двигаться, однако, я не мог, пока он сам не приказал мне встать»²¹.

О «распутинском гипнотизёрстве» можно судить хотя бы по следующей записи в дневнике историка С. Мельгунова:

«Вчера проф. Яроцкий рассказывал о своей знакомой. Ей нужно было видеть Распутина. Позвонила по телефону и была принята. Распутин привел ее в спальню. «Ну, раздевайся». Ошарашенная, она вырывается из объятий старца. «Не хочешь? Так зачем же ты пришла? Не хочешь, не надо, но смотри, приходи в 10 час. веч.». Дама эта потом поехала обедать в ресторан с мужем и знакомым доктором. К 10 час. веч. она стала проявлять сильное беспокойство и, наконец, заявила, что поедет к Распутину. Никакие уговоры не действовали. Доктор ее загипнотизировал – так только удалось отклонить ее от свидания с Распутиным»²².

Да, Распутин действительно был гипнотизёром. Впрочем, это являлось отнюдь не единственным качеством его чудодейственной силы.

* * *

Считается, что путь к Романовым «старцу» открыла ближайшая подруга императрицы и дочь главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества Канцелярии Александра Танеева – фрейлина *Анна Вырубова*. Однако правильнее было бы сказать – *сблизила*, непосредственно введя мужика туда, где ему никак не следовало быть: *в Царские покои*.

Феликс Юсупов:

«Анна Вырубова, фрейлина и наперсница царицы, очень скоро стала Распутину подругой и союзницей... В 1903 году она стала императрицыной фрейлиной, а четырьмя годами позже вышла замуж за морского офицера Вырубова. Венчали их с большой помпой в царскосельской дворцовой церкви. Государыня была свидетельницей при свадебной церемонии. Несколько дней

²¹ Юсупов Ф. Указ. соч. С. 189–190.

²² Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М.: Индрик, 2003. С. 371.

спустя она захотела представить Анюту «старцу». Благословляя новобрачную, Распутин сказал: «Не быть твоему браку ни счастливым, ни долгим». Предсказанье сбылось.

Молодые поселились в Царском близ Александровского дворца. Однажды вечером, вернувшись домой, Вырубов обнаружил, что дверь заперта. Сказали ему, что у жены его в гостях государыня и Распутин. Он дождался их ухода, вошел в дом и устроил жене бурную сцену, ибо накануне строгонастрого запретил ей принимать «старца». Говорят, что и побил он ее. Анята выбежала из дома и бросилась к императрице, умоляя защитить от мужа, который, кричала она, ее убьет. Вскоре состоялся развод... Государыня защищала Анну. Распутин не зевал и сумел подчинить себе государынину подругу. И впредь она стала послушным его орудием»²³.

Из показаний на допросе в 1917 году Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства бывшего начальника Санкт-Петербургского охранного отделения генерала А. Герасимова: ²⁴

«Он [дворцовый комендант генерал В. Дедюлин] сказал, что у Вырубовой появился мужик, по всей вероятности, переодетый революционер. Так как Государыня часто бывает у Вырубовой и привозит Государя, то я просил обратить внимание на этого мужика. Тогда этого мужика взяли под наблюдение. Он оказался Распутиным. Когда я дал телеграмму по местожительству, то дали сведения, что это первостепенный негодяй. Я об этом доложил, кажется, П.А. Столыпину. Он попросил больше об этом никому не докладывать, – ни товарищу министра, ни директору. Он сказал: «Я буду говорить с Государем»... В конце концов он с Государем говорил. Государь сначала отказался, а потом сказал, что раз видел Распутина. Государь сознался. Решено было его арестовать. И сказали, что вышлют в Восточную Сибирь за порочное поведение. Но он, Распутин, заметил наблюдение и бежал, и не являлся. А когда я ушёл, он появился»²⁵.

Здесь нужно сделать отступление.

Период от Февральской до Октябрьской революций в истории страны особенный. Либералы, увлечённые отречением Николая II от престола, всеми фибрами души желали показать, кто в доме хозяин. Члены Временного правительства оказались безжалостны к Августейшей семье, ставшей *бывшей*. Мало того, сразу после отречения императора намеревались устроить... *судилище*. Да-да, самый настоящий *суд* – открытый, бескомпромиссный и, надо полагать, «справедливый». Уже через два дня после известных событий была учреждена так называе-

²³ Юсупов Ф. Указ. соч. С. 173–174.

²⁴ Герасимов, Александр Васильевич (1861–1944), – государственный деятель Российской империи, генерал-лейтенант Отдельного корпуса жандармов. После окончания Чугуевского пехотного юнкерского училища в чине прапорщика поступает на военную службу в 61-й Резервный пехотный батальон. С 1889 года – в Отдельном корпусе жандармов: служил адъютантом Самарского, затем – Харьковского губернских жандармских управлений. С 1894 года – помощник начальника Харьковского ЖУ. В 1905–1909 гг. – начальник Петербургского охранного отделения. Был генералом для поручений при министре внутренних дел. С 1914 года – в отставке. Во время Февральской революции был арестован и находился в заключении в Петропавловской крепости. Следовательно, допрашивавший его, вспоминал: «*Последний – бывший начальник Петроградской охраны, – травленный волк, ко всякому... вопросу подходит осторожно, обнюхивает его со всех сторон, и отвечает на всё так, чтобы... нельзя было зацепиться. Служил, ловил, сажал, – вот и всё...*» В эмиграции жил и умер в Берлине, где вёл бухгалтерию мастерской дамского платья, принадлежавшей его жене. Скончался 2 января 1944 года в Берлине в возрасте 82 лет; похоронен на кладбище Тегель.

²⁵ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1–7. М.-Л.: Государственное издательство, 1924–1927. Т. 3. С. 12. (Далее – сокращённо: Падение царского режима.)

мая *Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК) Временного правительства* для расследования преступлений Царской семьи и высших должностных лиц государства. (Предполагалось, что обвиняемые будут осуждены по ст. 108 Уголовного уложения – *государственная измена*. Поэтому следователи буквально рыли носом землю.)

Именно тогда Николай и передал через генерала Алексеева на имя Председателя Временного правительства князя Львова *записку* с просьбой о выезде за границу. И ответ не заставил себя долго ждать: Временное правительство подтвердило готовность решить данный вопрос *положительно*.

Комиссия, надо сказать, была ещё та. Одно из её подразделений, к примеру, называлось так: «*Обследование деятельности тёмных сил*». (Смешно. Впрочем, могло быть ещё хуже – например, «*Обследование деятельности кикимор и ведьм*»; тогда бы каждый понимал, чем они там занимались.) Как бы то ни было, полномочные представители сей временной организации могли истребовать *любые* документы, арестовывать и допрашивать *любого* свидетеля.

Интересно, что одним из активнейших членов этой структуры (чем не прототип будущих «чрезвычайек»?) был хорошо знакомый нам *Александр Блок*; а среди допрошенных ею лиц побывал даже скромный «житель Петрограда» *Ульянов-Ленин*.

Однако затея с треском провалилась: «тёмных сил», по-видимому, не нашли. В середине апреля 1917 года Керенский встретился с «бывшим царём» и пожал тому руку. (Справедливости ради следует заметить, что именно Керенский в самый разгар работы ЧСК занимался подготовкой отправки Царской семьи в Великобританию; другое дело, что он же это мероприятие, прозевав драгоценное время, окончательно и угробил.)

* * *

Своему стремительному взлёту Распутин был обязан даже не фрейлине Вырубовой, а... великому князю Николаю Николаевичу – будущему самому ненавистному своему врагу.

Как-то у Николая Николаевича прихворала любимая собака. Все именитые ветеринары махнули рукой: околеет. Но один из «собачьих докторов», дабы загладить своё профессиональное бессилие, обнадёжил: есть, мол, в Сибири некто Распутин, который способен *заговаривать* – авось, спасёт пса. Так Распутина «выписали» в столицу. К удивлению многих, «старец» собачку «заговорил», и та, быстро оклемавшись, ещё долго радовала хозяина. Позже точно так же Распутин поднял на ноги заболевшую жену великого князя.

Кстати, о супруге Николая Николаевича. Две дочери черногорского короля Николы I – *Анастасия* и *Милица* – ²⁶вышли замуж за русских великих князей. Анастасия (по-домашнему

²⁶ Анастасия (Стана) Петрович-Негош (Анастасия Николаевна, 1867–1935), – принцесса черногорская, герцогиня Лейхтенбергская и русская великая княгиня. Дочь черногорского владыки князя Николы I Негоша и Милены Петровны Вукович, дочери воеводы. Супруга 6-го герцога Георгия Максимилиановича Лейхтенбергского (в первом браке – княгиня Романовская, герцогиня Лейхтенбергская), а затем великого князя Николая Николаевича-младшего. Родная сестра великой княгини Милицы Николаевны. Вместе с тремя своими сёстрами – Еленой, Милицей и Марией – училась в Смольном институте в Петербурге. В первом браке (в котором родились 2 детей – Сергей и Мария) принцесса была несчастлива. Николай II стал крёстным отцом первенца Анастасии, сына Сергея. После развода с мужем в сорок лет в мае 1907 года, в Ялте, вторично сочеталась браком с 50-летним великим князем Николаем Николаевичем (браком оказался бездетным). Оба мужа Анастасии были внуками российского императора Николая I. Её сестра Милица была замужем за деверем (братом мужа) Анастасии – великим князем Петром Николаевичем. Супруги умерли в эмиграции. В апреле 2015 года останки Анастасии Николаевны и её супруга были перезахоронены в часовне в честь Преображения Господня на Братском воинском кладбище в Москве. Милица Петрович-Негош (Милица Николаевна, 1866–1951), – принцесса черногорская, великая княгиня, супруга великого князя Петра Николаевича. Сестра великой княгини Анастасии Николаевны. Супруги имели четырёх детей: Марину, Романа, Надежду и Софию. Милица, её сестра Анастасия и их племянница Елена Петровна были единственными в семье Романовых нерусскими невестками, родившимися православными. Считается, что именно Милица, имевшая парижский диплом на звание почётного доктора алхимии, познакомила императрицу с магом мсье Филиппом, а потом привела и Григория Распутина. В связи с болезнью мужа (у Петра Николаевича был туберкулёз лёгких) Милица Николаевна подолгу жила за границей или в Крыму, в имении Дюльбер. После смерти мужа в эмиграции в 1931 году овдовевшая великая княгиня переехала с сыном Романом и

– Стана), в первом браке герцогиня Лейхтенбергская, как раз и была женой дяди Николая II – великого князя Николая Николаевича; Милица же являлась супругой великого князя Петра Николаевича.

Князь Ф. Юсупов:

«Одни из первых, самых ярких приверженцев «человека Божия» – великие княгини-черногорки. Именно они в 1900 году приводили ко двору мага Филиппа. Именно они представят императору и императрице Распутина...»²⁷

Медиум Филипп (Филипе) Низье Антельм был родом из Лиона и в силу своих экстраординарных способностей слыл неплохим знахарем и гипнотизёром-экстрасенсом. Эти сверхъестественные возможности поспособствовали тому, что российский император пригласил «волшебника» в Санкт-Петербург, где Николай II присвоил французу должность медика Военно-медицинской академии, звание генерала и придворный чин статского советника.

Что касается Распутина, то Анастасия Николаевна и Милица Николаевна познакомились с ним в Киево-Печерской Лавре. Поражённые речью, глубоким умом и благочестием «старца», они, назвав себя, пригласили Григория приехать к ним в Петербург. И он вскоре приехал.

Знакомству Распутина со столичной знатью поспособствовал епископ Феофан (Быстров), с которым Григорий был знаком ещё с молодых лет. Работая ямщиком, он как-то вёз будущего духовника Царской семьи тогда ещё иеромонаха Феофана в Верхотурье. В пути разговорились. Простые и искренние слова святого отца произвели на Распутина глубочайшее впечатление²⁸.

– Иди и спасайся! – сказал на прощание Феофан.

Именно после этих слов священника Григорий начал странствовать.

Фрейлина Вырубова:

«Григория Ефимовича ввел в дом Великих Княгинь Милицы и Станы Николаевны епископ Феофан, который был очень заинтересован этим необыкновенным странником. Их Величества в то время находились в тесной дружбе с этими Великими Княгинями. По рассказам Государыни, их поражали ум и начитанность Великой Княгини Милицы Николаевны, которую близкие считали чуть ли не пророчицей. У нее Их Величества познакомились с Распутиным, и там же они стали с ним изредка видаться. Ее Величество рассказывала мне о глубоком впечатлении, которое произвел на них сибирский странник, – да и не только на них одних»²⁹.

На дворе стоял 1904 год.

Из показаний коменданта Царского Села генерала В. Воейкова на допросе 28 апреля 1917 года Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства:³⁰

его семьей в Италию. Король Виктор Эммануил III был мужем её младшей сестры Елены. После захвата власти фашистами и отречения от престола короля Милица уехала в Египет. Скончалась Милица Николаевна 5 сентября 1951 года в Александрии; покойся в крипте русской православной церкви Михаила Архангела в Каннах, рядом с мужем.

²⁷ Юсупов Ф. Указ. соч. С. 172.

²⁸ Бэттс Р., Марченко В. Духовник царской семьи. Архиепископ Феофан Полтавский, Новый Затворник. М.: Даниловский благовестник, 2010. С. 67.

²⁹ Вырубова А. Воспоминания. М.: Захаров, 2018. С. 106.

³⁰ Воейков, Владимир Николаевич (1868–1947), – русский военачальник, дворцовый комендант (1913–1917 гг.), генерал-майор Свиты, доверенное лицо императора Николая II. Внук бывшего Московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова. После окончания Пажеского корпуса начинал службу в Кавалергардском полку. В 1906 году назначен флигель-адъютантом. С августа 1907 года – командир Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. Крёстный отец цесаревича Алексея; с декабря 1913-го – дворцовый комендант. С 1912 года – председатель Российского олимпийского комитета. В дни Февральской революции был арестован. Умер в эмиграции, в пригороде Стокгольма, в октябре 1947 года.

«Воейков. Ввел его великий князь Николай Николаевич. Анастасия Николаевна до свадьбы была подругой государыни императрицы. Анастасия Николаевна и Милица Николаевна устроили въезд Распутина во дворец. Они жили в Сергиеве, близко от Петрограда, он к ним ездил; это еще не все, там были разные темные личности, всякая публика проходила через Николая Николаевича.

Председатель. Зачем же было Николаю Николаевичу в царскую семью допускать таких лиц?

Воейков. Он делал это, чтобы пользоваться влиянием или – по непониманию; его заставляли делать Анастасия Николаевна и Милица Николаевна. Когда Николай Николаевич ввёл Распутина во дворец, в год своей свадьбы, случилось самое большое несчастье, наследник заболел, Распутин сотворил молитву, и наследник поправился; это и было началом влияния Распутина»³¹.

1 ноября 1905 года царь оставил в дневнике краткую запись: *«Завтракали: кн. Орлов и Ресин (деж.). Погулял. В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим – Григорием из Тобольской губ.»*³².

Итак, теперь хорошо известно, *когда точно* познакомился с царём Распутин, и *кто именно* их свёл.

* * *

Однако, кто познакомил и когда – всё это не столь важно, потому как не «черногорки» и Вырубова, так другие – какая-нибудь фрейлина или вельможа, граф или князь – рано или поздно затащили бы ловкого пройдоху в Семью, где уже давно были готовы на любое «чудо» ради спасения Августейшего наследника.

«Возили меня и показывали, как райскую птицу, – вспоминал Распутин. – И восчувствовал я, что и хотя и позолотилась моя судьба, но что-то подломилось. Понял я, что моей мужичкой свободе конец пришел. Что будут они все со мной в мужичка играть. И мне их хитрости постигнуть надо, а не то мне крышка. Капут».

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

«Трех лет от роду, играя в парке, Цесаревич Алексей упал и получил ранение, вызвавшее кровотечение. Вызвали придворного хирурга, который применил все известные медицине средства для того, чтобы остановить кровотечение, но они не дали результата. Царица упала в обморок. Ей не нужно было слышать мнения специалистов, чтобы знать, что означало это кровотечение: это была ужасная гемофилия – наследственная болезнь мужского поколения ее рода в течение трех столетий. Здоровая кровь Романовых не могла победить больной крови Гессен-Дармштадтских, и невинный ребенок должен был страдать от той небрежности, которую проявил русский двор в выборе невесты Николая II. За одну ночь Государь состарился на десять лет... Доктора молчали. Они могли дать только отрицательный ответ...

³¹ Падение царского режима. Т. 3. С. 63.

³² Дневники Императора Николая II. М.: Орбита, 1991. С. 287. (Далее – сокращенно: Дневники Императора Николая II.)

Для царственных родителей жизнь потеряла всякий смысл. Мы боялись улыбнуться в их присутствии. Посещая Их Величества, мы вели себя во дворце, как в доме, в котором кто-то умер. Император старался найти забвение в неустанном труде, но Императрица не захотела подчиниться судьбе. Она непрестанно говорила о невежестве врачей, отдавая явное предпочтение шарлатанам. Все свои помыслы обратила она в сторону религии, и ее религиозность получила истерический характер.

Таким образом почва для появления чудотворца была подготовлена, и вот обе «черногорские княгини» без особого труда убедили Императрицу принять Распутина.

– Это удивительный человек. Святой. Он исцеляет все болезни...

Остальную эпопею Распутина вряд ли надо рассказывать»³³.

Таким образом, когда однажды Распутин на глазах изумлённых родителей остановил кровь у измученного цесаревича, и тот, успокоенный монотонным голосом «старца», глубоко заснул, благодарные отец с матерью суеверно затрепетали, не в силах вымолвить слов благодарности. С тех пор этот человек стал частым гостем в царских покоях, где его очень почитали и относились с искренней доверчивостью. И что бы тот ни вытворял вне стен царской резиденции, и какие бы слухи ни доходили до ушей императора и его супруги, для них он оставался «святым человеком» и «нашим Другом»...

«...У него было одно редкое и весьма ценное свойство, – отмечал историк С. Любош. – Распутин умел и смел быть и оставаться самим собою. Это кажется так просто, но в этом чаще всего секрет сильной личности и ее влияния на других. В безотрадную... жизнь царской семьи, с ее единственной надеждой и отрадой – наследником, отравленным страшной и таинственной болезнью, этот сибирский мужик явился, как некое откровение из другого таинственного и неведомого мира. И этот удивительный мужик держал себя так просто, так свободно и непринужденно, как никто не держит себя в придворном мире. В этот мир условности и нарочитости, возведенной в торжественно-парадный культ, ворвалась жизнь, грубая, сырая, непосредственная...»³⁴

Двор уже давно ждал появления у Трона Великого Целителя и Пророка. И тот не замедлил явиться. Правда, им оказался Лжепророк. Но поначалу этого никто не заметил...

* * *

Как показывают метрические книги, в семье «старца» все были Распутиными – без всяких добавлений к фамилии «Новых» или «Новый». Откуда появилась эта добавка? Как оказалось, от самого Григория Ефимовича.

К концу 1906 года Распутин уже в полном фаворе у Семьи. Его знают, почитают, уважают. Императрицу он зовёт «Мамой», Николая – «Папой»; Августейших детей – «Детками». Они его – «Другом» (в переписке – чаще «нашим Другом»). Именно тогда в голову Распутина пришла идея несколько изменить свою фамилию так, чтобы члены Семьи могли отличать его от других – по крайней мере, от прочих Распутиных. Но почему – «Новый»?

Вот что находим в дневнике великого князя Константина Константиновича Романова:

³³ Романов А.М. Книга воспоминаний. М.: Вече, 2008. С. 106–107.

³⁴ Любош С. Последние Романовы. Л.-М.: Петроград, 1924. С. 269.

«13 августа 1906 года. ...Всех нас позвали пить чай к Их Величествам. Туда в столовую пришли их четыре дочки и тоже – к великой радости наших детей – и двухлетний цесаревич. Обойдя кругом чайный стол и со всеми поздоровавшись, он взобрался на колени к матери; подле нее сидел Игорь (сын К. Р.) и маленький наследник охотно перешел к нему на колени, называя его как незнакомого «Новый»³⁵.

Как отмечает писатель Алексей Варламов, «...Точно так же мог Цесаревич обратиться и к опытному страннику из Покровского, но в любом случае важно отметить, что идея сменить фамилию принадлежала, во-первых, самому Распутину, а во-вторых, делал он это по какой угодно причине, но только не потому, что прежняя плохо звучала и бросала тень на его моральный облик»³⁶.

Как бы то ни было, 15 декабря 1906 года Распутин пишет на Высочайшее имя следующее прошение:

«Проживая в селе Покровском я ношу фамилию Распутина в то время как и многие односельчане носят ту же фамилию отчего могут возникнуть всевозможные недоразумения. Припадаю к стопам Вашего Императорского Величества прошу: дабы повелено было дать и моему потомству именоваться по фамилии «Распутин-Новый».

Вашего Императорского Величества
верноподданный Григорий»³⁷.

Ровно через неделю прошение «старца» Распутина будет Высочайше удовлетворено. Отныне он станет Распутиным-Новым.³⁸

* * *

Во всей этой истории имелось одно важное обстоятельство: «старец» появился там, где и должен был появиться. Императрица Александра Фёдоровна, женщина нежная и чувствительная, как уверяют очевидцы, страдала припадками, причём «в тяжелой форме». Однако вряд ли это было так на самом деле. Хотя бы потому, что у императрицы в той или иной стрессовой ситуации наблюдались всего лишь *обморочные состояния*. Так что говорить о «тяжёлой болезни» Аликс было бы большим преувеличением. Воспитанная в стенах чопорного Виндзорского замка, эта женщина была слишком *чувственной*, не более.

Тем не менее в анамнезе русской императрицы имелось одно отягчающее обстоятельство – душевное потрясение, связанное со смертью матери: Алиса Саксен-Кобург-Готская, вторая дочь британской королевы Виктории, скоропостижно скончалась, когда дочери было всего шесть лет. После того как её отец, Людвиг IV, великий герцог Гессенский, обзавёлся новой семьёй, Аликс, навсегда покинув родной Дармштадт, оказалась в Виндзоре, у своей Августейшей бабушки. Олицетворение Викторианской эпохи Британии, английская королева Виктория правила Англией с 1837 по 1901 год. Если по-нашему – то от Николая I до Николая II. Чтобы нагляднее, то от Пушкина до... Бунина.

Вот такая была бабушка. Ничего удивительного, что супруга Николая II была больше англичанкой, нежели «немкой», как потом будут травить её в дни мятежного Февраля...

³⁵ Варламов А.Н. Указ соч. С. 59.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Написание «Новых» также имеет место быть, но оно вторично от «Новый». Поэтому правильнее – «Распутин-Новый».

Тяжёлая болезнь Наследника, доставшаяся мальчику именно от матери, изматывала императрицу, доводя её до частых нервных срывов. Александра Федоровна всё чаще и чаще стала проявлять признаки психоэмоциональной неустойчивости. Были ещё так называемые «сердечные припадки», но это, в общем-то, даже не в счёт: во время сильного волнения бывает и не такое...

Фрейлина Анна Вырубова:

«Осенью 1912 года Царская Семья уехала на охоту в Скерневицы (имение Их Величеств в Польше)... Первое время Алексей Николаевич был на ногах, хотя жаловался на боли то в животе, то в спине. Он очень изменился, но доктор не мог точно определить, где произошло кровоизлияние. Как-то раз Государыня взяла его с собой кататься, я тоже была с ними. Во время прогулки Алексей Николаевич все время жаловался на внутреннюю боль, каждый толчок его мучил, лицо вытягивалось и бледнело. Государыня, напуганная, велела повернуть домой. Когда мы подъехали к дворцу, его уже вынесли почти без чувств. Последующие три недели он находился между жизнью и смертью, день и ночь кричал от боли; окружающим было тяжело слышать его постоянные стоны, так что иногда, проходя его комнату, мы затыкали уши. Государыня все это время не раздевалась, не ложилась и почти не отдыхала, часами просиживая у кровати своего маленького больного сына, который лежал на бочку с поднятой ножкой, часто без сознания. Ногу эту Алексей Николаевич потом долго не мог выпрямить. Крошечное, восковое лицо с заостренным носиком было похоже на покойника, взгляд огромных глаз был бессмысленный и грустный...

Из Петербурга выписали доктора Раухфуса, профессора Феодорова с ассистентом доктором Деревенко. На консультации они объявили состояние здоровья Наследника безнадежным. Министр Двора уговорил Их Величества выпускать в газетах бюллетени о состоянии здоровья Наследника. Доктора очень опасались, что вследствие кровоизлияния начнет образовываться внутренний нарыв. Раз, сидя за завтраком, Государь получил записку от Государыни. Побледнев, он знаком показал врачам встать из-за стола: Императрица писала, что страдания маленького Алексея Николаевича настолько сильны, что можно ожидать самого худшего»³⁹.

Для сведения. Лейб-педиатр Карл Андреевич Раухфус и лейб-хирург Сергей Петрович Фёдоров – не какие-то там Иванов, Петров и доктор Чехов. Оба – светила отечественной медицины, маститые «зубры», профессора: Раухфус – первый главный врач Детской больницы принца Петра Ольденбургского, лучший диагност детских заболеваний; Фёдоров – блистательный хирург, «отец» русской урологии, новатор хирургических операций на желудке, печени и почках, прекрасный диагност.

Владимир Николаевич Деревенко оказался у постели тяжёлого Наследника случайно: своего ассистента пригласил помочь доктор Фёдоров. И вот эти «маститые», как уверяет нас г-жа Вырубова, объявляют⁴⁰ *«состояние здоровья Наследника безнадежным»*. От такого любая мать впадёт в истерику!

³⁹ Вырубова А. Указ. соч. С. 58–60.

⁴⁰ После этого случая хирург В. Н. Деревенко был утверждён штатным лечащим врачом Наследника. Многие ошибочно считают, что в ссылку с царской семьёй в Тобольск, а потом и в Екатеринбург добровольно последовал только один доктор – Евгений Сергеевич Боткин. Это не так: лейб-медиков было двое – Боткин (терапевт) и Деревенко (хирург и лечащий врач Наследника). Однако при отправке в ссылку распоряжением Керенского доктор Боткин обязан был состоять при Царской семье, а Деревенко был назначен врачом конвоя и охраны – так называемого «оряда особого назначения». По некоторым данным, избежал расстрела по причине того, что в Екатеринбурге был привлечён к лечению жены председателя Уралоблсовета

И вдруг находится Некто, который (по телеграфу!) *обнадёживает*: не тревожьтесь, мол, всё образуется и будет хорошо. *Наследник будет жить!*

Анна Вырубова:

«Как-то вечером после обеда, когда мы поднялись наверх в гостиную Государыни, неожиданно в дверях появилась Принцесса Ирина Прусская, приехавшая помочь и утешить сестру. Бледная и взволнованная, она просила нас разойтись, так как состояние Алексея Николаевича было безнадежно. Я вернулась обратно во дворец в 11 часов вечера; вошли Их Величества в полном отчаянии. Государыня повторяла, что ей не верится, чтобы Господь их оставил. Они приказали мне послать телеграмму Распутину. Он ответил: «Болезнь не опасна, как это кажется. Пусть доктора его не мучают». Вскоре Наследник стал поправляться»⁴¹.

И как вам всё это? Поэтому ничего удивительного в том, что Семья с распростёртыми объятиями приняла того, кто *реально помогал* в их поистине отчаянном положении.

Воспитатель цесаревича швейцарец П. Жильяр рассказывал:

«Когда Мать поняла, что Её единственный, Её любимый сын страдает такой страшной болезнью (гемофилия), которую передала Ему Она, от которой умерли Её дядя, Её брат и Её два племянника, зная, что не будет Ему помощи от человека, от науки, Она обратилась к Богу. Она отлично знала, что смерть может наступить от этой болезни каждую минуту, при малейшей неосторожности Алексея Николаевича, которая даром пройдет каждому другому. Если Он подходил к Ней 20 раз в день, то не было случая, чтобы Она Его не целовала, когда Он, подойдя к Ней, уходил от Неё. Я понимал, что Она каждый раз, прощаясь с Ним, боялась не увидеть Его более...

Мне кажется, что религия Её не дала Ей того, что Она искала; кризисы с Ним продолжались, грозя Ему смертью. Чуда, которого Она так ждала, все еще не было. Тогда-то, когда Её познакомили с Распутиным, Она была убеждена им, что, если Она обратится к нему во время болезни Алексея Николаевича, он будет «сам» молиться и Бог услышит его молитву. Она должна верить в его молитву, и пока он, Распутин, будет жив, будет жив и сын. Алексею Николаевичу после этого как будто стало лучше. Называйте это как хотите – совпадением, но факты обращения к Распутину и случаи облегчения болезни у Алексея Николаевича совпадали. Она поверила.

Ей и не оставалось ничего более. В этом она нашла самой Себе успокоение. Она была убеждена, что Распутин является посредником между Нею и Богом, потому что молитва Её одной не дала Ей облегчения. Они смотрели на Распутина как на полусвятого»⁴².

Если говорить начистоту, императрице требовался хороший *психоаналитик*. И чувственная императрица его нашла – в лице диковатого «старца». Его пронзительно-гипнотический взгляд, казалось, проникал в самую душу; он успокаивал и помогал забыться. Распутин одним причудливым мановением руки снимал бессонницу, восстанавливал аппетит, хорошее настроение и сон. А грубоватые мужицкие речи, перемешанные с выдержками из Писания, вводили царицу в некий транс. Вера и молитва, уверял «старец», сделают своё дело. И они верили и молились, уповая на Всевышнего. И... на Распутина.

А. Белобородова – Яблонской Франциски Викторовны.

⁴¹ Там же. С. 60.

⁴² *Дитерихс М.К.* Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М.: Вече, 2008. С. 326.)

Странно, этот малограмотный мужик своими порой непонятно-примитивными фразами заставлял этих почти неземных членов государственной пирамиды становиться обычными людьми – со своими слабостями, недостатками и страхами. Николай и Аликс при общении со «старцем» превращались чуть ли не в детей!

Вера и молитва. Они верили и молились...

* * *

26 февраля 1912 года отслуживший утром в Казанском соборе молебен председатель Государственной думы М. В. Родзянко был принят императором. Аудиенция с монархом была буквально вытребована Михаилом Владимировичем: во время беседы он собирался высказать Николаю всё начистоту относительно Распутина.

– Ваше Величество, присутствие при Дворе, в интимной его обстановке, человека столь опороченного, развратного и грязного представляет собой небывалое явление в истории русского царствования, – начал председатель Думы. – Влияние, которое он оказывает на церковные и государственные дела, внушает немалую тревогу решительно во всех слоях общества. В защиту этого проходимца выставляется весь государственный аппарат, начиная с министров и кончая низшими чинами охранной полиции. Распутин – оружие в руках врагов России, которые через него подкапываются под церковь и монархию. Никакая революционная пропаганда не могла бы сделать того, что делает присутствие Распутина. Всех пугает близость его к Августейшей семье. Необходимо срочно предпринять меры! Это волнует умы... Было бы лучше вообще выслать Распутина из Петербурга...

Николай поднялся из-за стола и молча прошёлся по кабинету.

– Ваше Величество, я хочу, чтобы Вы знали, – продолжил Родзянко. – Все, кто поднимает голос против Распутина, преследуются Синодом. Разве это терпимо? И могут ли православные люди молчать, видя развал православия? Можно понять всеобщее негодование, когда глаза всех раскрылись и все узнали, что Распутин – хлыст!..

– У вас есть доказательства? – спросил император.

– Более чем достаточно! Ваше Величество, полиция проследила, что он ходил с женщинами в баню, а ведь это, как известно, из особенностей хлыстовского учения...

– Так что ж тут такого? У простолюдинов это принято...

– Не совсем так, Ваше Величество. Да, может быть, муж с женой и ходят вместе в баню, но в данном случае мы имеем дело с развратом...

Царь лишь пожал плечами...

«Хочется говорить, хочется кричать, что церковь в опасности и в опасности государство, – говорил 9 марта 1912 года в Государственной думе депутат Александр Гучков. – Все вы знаете, какую тяжелую драму переживает Россия... В центре этой драмы – загадочная трагикомическая фигура, точно выходец с того света или пережиток темноты веков, странная фигура в освещении XX столетия... Какими путями этот человек достиг центральной позиции, захватив такое влияние, перед которым склоняются высшие носители государственной и церковной власти? Вдумайтесь только – кто же хозяйничает на верхах, кто вертит ту ось, кто тащит за собою и смену направлений, и смену лиц, падение одних, возвышение других?..»⁴³

⁴³ Гучков, Александр Иванович (1862–1936), – российский политический и государственный деятель, лидер партий «Союз 17 октября» и Либеральной республиканской (1917 г.). Председатель III Государственной думы (1910–1911 гг.), член Государственного совета, Председатель Центрального военно-промышленного комитета (1915–1917 гг.). Военный (и временно – морской) министр Временного правительства (1917 г.). Из московской купеческой семьи. Брат-близнец Фёдора

Ивановича Гучкова, одного из создателей «Союза 17 октября» и фактического руководителя газеты «Голос Москвы». Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1885 г.). С 1886 – почётный мировой судья в Москве. В восьмидесятые годы предпринял рискованное путешествие в Тибет. В 1899 году вместе с братом Фёдором добровольцем отправился в Трансвааль, где участвовал в англо-бурской войне на стороне буров; был тяжело ранен в бедро. В 1903 году совершил путешествие в Македонию с целью поддержать восстание местных жителей против Османской империи. Участник Русско-японской войны; весной 1905 года, не пожелав покинуть госпиталь с ранеными в Мукдене, был пленён японцами. Будучи депутатом Государственной думы, посетил Китай, где помогал властям Китая в борьбе с чумой; участвовал в Первой балканской войне. Известный дуэлянт. Был сторонником столыпинских реформ; поддержал введение военно-полевых судов. Во время Февральской революции вместе с депутатом Шульгиным принял в Пскове отречение из рук Николая II; в марте – мае 1917 года был военным и морским министром в первом составе Временного правительства. В 1919 году по поручению генерала Деникина встречался с президентом Франции Пуанкаре и британским военным министром Черчиллем. Умер в эмиграции, в феврале 1936 года, от рака кишечника. После кремации урна с прахом была замурована в стене колумбария на парижском кладбище Пер-Лашез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.